

Светлана
ДЕМИДОВА

*Прошу руки вашей
жены*

*истории
любви*

Светлана Демидова

Прошу руки вашей жены

«Автор»

2009

Демидова С.

Прошу руки вашей жены / С. Демидова — «Автор», 2009

ISBN 978-5-699-37354-3

Они ошиблись — женившись и выйдя замуж совсем не за тех, кто им действительно был нужен. Десять лет они старались быть образцовыми супругами. Но... Иван по-прежнему любил Дашу, а она помнила Ивана. Они не общались и даже не виделись. Но от судьбы, как поняла Даша, не уйдешь... И однажды Ваня пришел к ее мужу и попросил... отпустить жену к нему. Навсегда. Как в цивилизованном мире выходят из этого положения? Мужчины начали с драки...

ISBN 978-5-699-37354-3

© Демидова С., 2009

© Автор, 2009

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Светлана Демидова

Прошу руки вашей жены

* * *

Скрываясь за большим чайным бокалом, Даша исподтишка бросала косые взгляды на мужа. Он тоже пил чай. Его подбородок выпячивался вперед, а нижняя губа, облепляя край чашки, гадко расплющивалась. При этом он так сильно заводил глаза к потолку, что под темно-коричневой радужкой делались видны тонкие красные ниточки сосудов. Допив чай до последней капли, он вытер рот тыльной стороной ладони. Даша удовлетворенно ухмыльнулась – опять! Она теперь каждый раз с пристрастием следила за тем, как муж пьет чай. Он делал это всегда одинаково. Это и сводило Дашу с ума. То, что именно всегда одинаково. Обязательно – подбородок вперед экскаваторным ковшом, а нижняя губа к краю чашки – непременно мокрой скользкой пиявкой. Потом – красные прожилки белков закатившихся глаз и напоследок – смачная крестьянская утирка рта.

Митя... Митюша... Так его всегда зовет мать, то есть Дашина свекровь, Анна Петровна. Митюш-ш-ша... И это «ш-ш-ш» – последнее время особенно неприятно шуршит в Дашиных ушах, как сухие осенние листья, царапающие асфальт скрюченными ломкими кончиками. Друзья зовут Дашиного мужа Димой, но ей при знакомстве он представился Митей. Так и пошло: Митя да Митя... Он говорит, что только две самые главные женщины его жизни – мать и жена – имеют право называть его Митей. Когда-то Даша гордилась этой привилегией, теперь...

А еще он стал храпеть. Уляжется на спину, закинет руку за голову, ряззавит рот и давай... Раньше не храпел... Конечно, можно тронуть Митю за плечо. Он тут же перевернется на бок, и храп стихнет. Еще можно не рассматривать мужа, когда он пьет чай. Можно не замечать, как жадно он откусывает от бутерброда. Но как не заметить, если он завтракает всегда вместе с Дашей?

О таких мелочах, как вечно незакрученный колпачок тюбика зубной пасты или плохо вычищенная обувь, можно даже не говорить. Эти моменты уже давно и в полной мере осветили кинематографисты. Но ведь когда подобных мелочей накапливается много, то они уже не производят впечатления мелочей. Они, эти мелочи, как капли, сливаются в огромный вал цунами, который запросто может смести с лица земли Дашину семью.

Сегодня Даша опять ползала по полу ванной комнаты в поисках маленькой рифленой крышечки от пасты. Надо сказать, что ей даже не очень-то и хотелось ее найти. Она была бы рада выйти из ванной и предъявить Мите открытый, гнусно раздавленный и испачканный белыми разводами тюбик. Им можно было бы ткнуть мужу в самый нос и выплеснуть свое раздражение в крике: «Опять?! Сколько можно?!» Но крышечка как-то слишком быстро нашлась. Закусив в раздражении губу, Даша закрутила тюбик, отмыла его от пасты, поставила в пластиковый стаканчик и прошла на кухню. И вот вам – получите в награду за проявленную выдержку выпяченный подбородок с пиявочным ртом!

Митя допил чай, посмотрел на Дашу и, улыбнувшись, констатировал:

– Что-то ты нынче хмурая, Дашуня...

До чего же ей не нравилось, когда он называл ее Дашуней! То есть раньше, конечно, нравилось. Теперь же эта вариация имени почему-то казалась вульгарной...

Даша ничего не ответила мужу, стараясь припомнить, когда же все это началось. Когда она впервые почувствовала раздражение в ответ на самые рядовые Митины слова и довольно невинные проступки? Похоже, что давно... Да, она уже... очень давно... глядя на мужа, испытывает острые приступы неприязни. А в сущности, что такое – незакрученный колпачок зуб-

ной пасты? Ерунда! Даже если бы он вообще не нашелся, а тубик в эти несколько минут успел скрючиться от усушки, и тогда не стоило бы так раздражаться. С другой стороны... если каждое утро смотреть на Митин рот...

Даша так глубоко задумалась, что не заметила, как муж подкрался к ней сзади, обнял за плечи, поцеловал в шею и интимно шепнул в самое ухо:

– Не выпалась?

Дашу брезгливо передернуло. Муж не понял, что брезгливо. Движение плеч жены показалось ему эротичным и многообещающим. Он спустил с ее плеч шелк утреннего халатика и поцеловал сначала между лопатками, а потом в то место, где плечо плавно переходило в шею. Даша закусила губу чуть не до крови, чтобы только не заехать Мите этим же самым обнаженным плечом в лицо. Митя же не подозревал о ее мыслях, а потому спустил халат еще ниже. Скользящая шелковая одежонка услужливо обнажила весь Дашин торс, насборившись глянцевыми складками на поясе. Митя тут же положил обе руки на грудь жены. Даша поймала себя на том, что ей очень хочется пнуть мужа ногой в самое причинное место.

– Юлька проснется, – не оборачиваясь, процедила она.

– А мы тихохонько... – опять шепнул ей в ухо муж, ловко подхватил на руки и понес в спальню.

В спальне Митя аккуратно положил Дашу на еще не убранную постель, быстрым движением повернул ручку двери в положение «закрыто» и вернулся к жене. Даша лежала, запрокинув голову и не шевелясь. Она боялась, что любое случайное движение выдаст ее неприязнь к нему. Лучше уж и не двигаться. Пусть действует сам.

Мите такая ее неподвижность неожиданно пришлась по нраву.

– Так и лежи, – попросил он и развязал поясок халатика. Его шелковые полы с легким шуршанием разошлись в стороны. Митя провел чуть подрагивающими пальцами по обнаженному телу жены и сказал:

– Какая же ты у меня красавица, Дашуня...

«Красавица Дашуня» отвернула голову и зарылась лицом в складки постельного белья. Митя опять не понял, что она это сделала только для того, чтобы не видеть его лица. Ему казалось, что это какой-то новый вариант любовной прелюдии. И она ему явно нравилась.

Даша приготовилась стоически перетерпеть то, что теперь все больше и больше казалось ей насилием. Она закусила край пододеяльника, чтобы не завывать от острой неприязни к мужу, но он непостижимым образом сумел сделать так, что она очень скоро забыла о своей неприязни. Потом она обняла Митю за шею и наконец с жаром откликнулась на его ласки и поцелуи. По окончании интимного действия Дашино раздражение неожиданно улетучилось. Тяжесть, которая гнездилась у самого сердца, рассосалась. Ей вдруг сделалось легко и свободно.

Даша посмотрела на Митю. Он натягивал джинсы. Его сильное, тренированное тело красиво выгнулось, на руках напряглась мускулатура. Профиль был тверд и мужественен, а ресницы – длинные и густы. Их унаследовала от него их дочка, Юлька. Дашины-то реснички – так себе... коротюсенькие... разве что крашеные – ничего... Нет, что ни говори, а Митя – очень привлекательный мужчина. А то, что он как-то не так пьет чай – ерунда, не стоящая выведенного яйца, Дашина блажь... дурь... Как хорошо, что она не стала сегодня скандалить из-за незакрытой пасты! И вообще! Она больше не будет обращать внимания ни на пасту и... ни на что другое!

Митя наконец натянул на могучий торс футболку и бросил взгляд на Дашу, которая так и сидела на постели обнаженной, глядя на мужа во все глаза. Он по-детски обиженно протянул:

– Ну-у-у... Да-а-аш... А я, дурак, уже оделся...

Она засмеялась и накинула на плечи халатик. Митя сгреб ее в охапку, и они еще несколько минут запойно целовались, а потом, в обнимку, пошли будить десятилетнюю Юльку. Ей на сегодняшний выходной был обещан зоопарк.

В зоопарке Даша изо всех сил старалась думать о том, что у них с Митей все хорошо. Ей очень не хотелось возвращения того состояния безысходности и тоски, с которым она проснулась сегодня утром. Чтобы нечаянно не соскользнуть мыслями на опасную тему, Даша без передышки общалась с дочкой, расспрашивая ее обо всем, о чем только было можно. Спросила даже о бывшей подружке Наташе Гусаковой, которая в этом году перешла учиться в другую школу.

– Я ее с тех пор не видела, – равнодушно отозвалась Юлька, которой в этот момент совершенно не хотелось думать о Гусаковой, поскольку два медвежонка на площадке молодняка уморительно кланчили у посетителей зоопарка угощение, поднявшись на задние лапы и вытягивая вверх остренькие мохнатые мордочки.

Даша, которой вдруг опять почему-то вспомнился утренний чай и прилепленная к чашке нижняя губа мужа, излишне громко расхохоталась и опять-таки чересчур громко прокричала:

– Смотри-смотри, Юлька, какой потешный тигренок!

Тигренок, который разлегся неподалеку от медвежат, был не столько потешным, сколько сонным, на что дочка тут же указала матери:

– Да он сейчас заснет, мамочка! Ты лучше погляди, какие мишки! Вот бы можно было их покормить!

Даше очень понравилось, что дочка подкинула новую тему для обсуждения, и с большим напором принялась объяснять ей, почему запрещено кормить зверей вообще, а их детенышей – в частности.

– Да я знаю, мамочка, – отмахнулась от нее Юлька, – но уж очень хочется! Видишь, как они просят!

Даша начала свое объяснение заново, на что Юлька уже и вовсе не реагировала, заливаясь тоненьким серебристым смехом. Митя, глядя на маленьких зверят, смеялся тоже, и Даша с неудовольствием заметила, что при этом очень некрасиво обнажаются его розовые десны и не слишком тщательно вычищенные зубы. Она подумала о том, что стоит завтра же купить отбеливающую пасту, а мужу предложить не скалить рот при каждом удобном случае. Не юноша, поди. Видно, что в верхней челюсти не хватает зуба.

После площадки молодняка Даша потянула дочку за сахарной ватой, которую продавали такими большими клубками, что есть ее можно было очень долго и, следовательно, долго не разговаривать. С этими клубками они пошли к хищникам молча, потому что и Юлька, и Даша безостановочно откусывали куски ваты: Юлька – с удовольствием, Даша – с отвращением, но с большим желанием занять рот. Возле тигров, терзающих огромные куски кровавого мяса, дочка сунула свой клубок отцу, и тот, как ни в чем не бывало, принялся есть сладкую вату прямо возле тигриной клетки. Дашу скрючило от отвращения. Как он может есть возле окровавленного мяса с белыми сухожилиями, свисающими с красно-бурых кусков разваренными макаронинами? Она сунула свой недоеденный клубок в урну и отошла к клетке с рысью, такой же сонной, как тигренок на площадке молодняка. Даша только успела подумать о том, что неплохо было бы стать рысью, как услышала над ухом голос мужа:

– Что с тобой, Дашуня?

Даша вздрогнула, обернулась к мужу и, резиново растянув губы в улыбке, слишком быстро и задорно ответила:

– Ничего! Все как всегда! Пойдемте к жирафам! Они такие грациозные!

И они пошли к жирафам, потом к слонам. После того как были осмотрены клетки с хищными птицами, Юлька вдруг заявила, что устала и хочет есть. Уже с самой настоящей искрен-

ней радостью Даша потянула свое семейство к выходу из зоопарка. Она и так уже была на пределе. Ей хотелось вернуться в квартиру, где всегда можно найти занятие, к которому Митя не допускался. Например, можно погладить белье. Еще можно затеять, к примеру, пироги или пельмени. А что? Сегодня же выходной. Пусть дочка порадует.

На выходе из зоопарка раскинулся надувной замок с зубчатой стеной, со множеством башенок, арок, лесенок, горок и всевозможных крытых переходов. Даша подивилась тому, как умудрились надуть столь грандиозное сооружение за то не слишком продолжительное время, что они провели у клеток со зверями. Замок был очень ярким и казался уютно-мягким. Из его башенок и арок несся такой счастливый детский визг и смех, что Юлька тут же забыла об усталости и голоде и потребовала немедленно же купить ей билет на этот аттракцион. Даша сначала купила билет только дочке, потом, подумав немного, взяла билет и себе. В самом деле, не стоять же подле Мити до тех пор, пока Юлька не напрыгается в этом замке.

Надувной замок оказался не столько мягким, сколько пружинистым. Не рассчитав силу движения, Даша смешно подскочила и упала прямо на ступеньки надувной лестницы, с которой тут же слетела кубарем вниз. Было совсем не больно и смешно, и Даша рассмеялась. Смеялась и Юлька, и все те, кто видел, как женщина скатилась со ступенек. Все так же смеясь, Даша встала на четвереньки, потом неуверенно поднялась и выпрямилась во весь рост. Она находилась в странном, ни на что не похожем мире, где всё не так, как на соседнем тротуаре. Здесь действовали другие силы и иные законы, а потому и существовать надо было по-другому. И Даша почувствовала, что внутри нее что-то сжалось и затаилось, а сама она как-то странно отвердела и округлилась, приспособливаясь к новой реальности. Она стала такой же ненастоящей, как эти стены и лестницы, и такой же упругой.

Она носилась по замку вслед за дочкой, мячиком отскакивая от надувных стен, падая, поднимаясь и хохоча во все горло. В этом самом горле что-то предательски булькало и грозило прорваться неконтролируемым рыком, но Даша давила в себе неподходящие к случаю эмоции. В надувном кукольном мире место только счастливым резиновым куклам.

Юлька же была счастлива тем, что ее мать так по-ребячьи развеселилась. Даша ловила на себе восхищенные взгляды дочки и... настороженные Митины. Когда ей, не без труда пропихнувшейся сквозь узкий надувной переход, вдруг неожиданно пришлось встретиться глазами с Митей, она заметила в них тревогу и абсолютное неприятие происходящего. Передернув плечами, Даша стряхнула с себя взгляд мужа и понеслась дальше по лестнице замка. Она готова была к вечному блужданию в его переходах или к заточению в какой-нибудь надувной башне, только бы больше не встречаться глазами с Митей, только бы не объяснять ему причины своей небывалой веселости.

Когда Юлька наконец устала и пришлось выбраться из замка, они с дочкой подивились твердости тротуара под ногами. Игра закончилась. Даша перестала быть резиново-легкой и упругой. Ей будто перекрыли дыхание и придавили к земле тяжелым грузом. И груз этот – Митя... То, что утром он снял с нее своими поцелуями, теперь навалилось с еще большей силой. То, что, сжавшись, таилось внутри молодой женщины во время бешеного гона по надувному замку, теперь разрослось, расширилось и заполнило собой весь ее измученный организм. Это была... нелюбовь к Мите... Неужели все-таки... нелюбовь...

Потом они обедали в соседнем кафе. Перевозбужденная раскрасневшаяся Юлька толком не могла есть, и Митя смотрел на Дашу с укоризной, от которой и у нее кусок становился поперек горла. Потом они ехали домой. Дочка дремала, свернувшись калачиком на сиденье троллейбуса и положив голову Даше на колени. Можно было молчать, якобы оберегая Юлькин сон, и они с Митей молчали.

Дома Даша с остервенением взялась за пироги. Она знала рецепт, который не требовал, чтобы тесто долго подходило, и наVERTела такое количество пирогов, которое им не удалось бы съесть всей семьей и за три дня. Пришлось звать в гости Юлькиных подруг. Весь вечер

Даша провела вместе с детьми, организовывая им всевозможные конкурсы и викторины. Когда девчонки устали, пришлось опять накормить их пирогами, а потом устроить последний прощальный конкурс рисованных принцесс. Победила не Юлька, и потому страшно расстроилась. А Даша обрадовалась. После ухода дочкиных подружек можно было не спешить к Мите. Кто, в конце концов, научит ребенка рисовать, если не мать? Отец не в состоянии нарисовать даже бабочку, не то что лицо принцессы!

И они с Юлькой рисовали бы долго, если бы Митя не явился к ним с ультимативным заявлением:

– Немедленно заканчивайте и спать! А то завтра в школу Юлию Дмитриевну будет не поднять!

– Ну-у-у па-а-а-а... – заканючила Юлька, но отец был непреклонен. Он собственноручно вытащил фломастер из дочкиных рук и сопроводил ее в ванную комнату.

– Ну и как это называется? – спросил Дашу Митя, когда она забралась к нему под одеяло. Даша улеглась поудобнее, завела глаза к потолку и спросила:

– Что именно?

– Не понимаешь? – неприятно рассмеялся Митя.

– Не понимаю, – охотно согласилась Даша. Она действительно не знала, что он скажет дальше, насколько он сумел разгадать причину ее неестественной веселости.

Митя навис над Дашей, внимательно глядя ей в лицо. Она не выдержала его взгляда и отвела глаза будто бы только для того, чтобы поправить сбившееся белье. Муж с раздражением вырвал у нее из рук кончик одеяла и спросил:

– Слушай, Дашка, ты влюбилась в другого, что ли?

– С чего ты взял? – искренне изумилась она.

– С того! Ты думаешь, что я полный болван и ничего не замечаю, да?!

– Нет, я так не думаю...

– А если не думаешь, то отвечай: влюбилась, да?!

– Ерунда какая... – пробормотала Даша.

– Какая же это ерунда, если ты глаза прячешь!

– Я не прячу.

– Прячешь!

– Нет... Ну... хочешь я поклянусь... Юлькиным здоровьем... что ни в кого не... влюбилась...

– Еще не хватало в это ребенка впутывать! Даже не вздумай!

– Ну... тогда я не знаю, чего ты от меня хочешь...

Митя плюхнулся в постель на спину рядом с женой, тоже завел глаза к потолку и сказал:

– Я же чувствую, Дашка: с тобой что-то случилось... Ты... Ты... В общем, у меня такое впечатление, что ты с трудом выносишь меня...

– Я... не с трудом... нет...

– Врешь!

– Нет! – Даша выкрикнула это с таким надрывом, с каким стоило бы кричать слова любви сомневающемуся человеку. Митя понял это соответствующим образом, а потому опять навис над женой и тихим интимным голосом попросил:

– Тогда скажи, что любишь...

Сделав над собой невероятное усилие и чуть не расплакавшись при этом, она произнесла мертвыми губами:

– Люблю...

– Одного меня? – не унимался Митя.

– Одного тебя, – согласно повторила она.

Даша чувствовала, что Митя не столько поверил, сколько очень хотел ей верить, а потому тут же впился своими губами в ее, безжизненные и холодные. Потом принялся торопливо целовать лицо жены куда придется, приговаривая между поцелуями:

– Я же люблю тебя, Дашка... так люблю... А ты... ты просто устала... Этот быт, он кого хочешь доведет... Одни вот эти... пироги... чего стоят... Даша... хочешь я тебе путевку куплю на неделю куда-нибудь... в какой-нибудь пансионат под Питером, а? Или еще можно в Старую Руссу... Там санаторий... наши женщины... ну... из цеха... ездят... А хочешь на юг? Там уже, наверное, тепло... купаться можно... Ты отдохнешь от меня... соскучишься... А, Даш! Хочешь поехать?

На Дашиных глазах набухли слезы. Она изо всех сил старалась не дать им пролиться. Какая же она мерзавка... Митя любит ее, жалеет... готов ради нее на все, а она... Да что же это такое? За что? За что это Мите? За что ей, Даше? Может быть, действительно поехать в санаторий, забыться... Да разве же можно забыться? Она ведь уже и на минуту не может перестать думать о том, что разлюбила его. Она разлюбила... разлюбила... И никакие санатории не помогут... ничто не поможет... никто...

Даша захлебнулась слезами и заломила руки. Что же делать? Что?!

А Митя целовал эти ее надломившиеся руки и все приговаривал и приговаривал одно и то же:

– Люблю... Дашенька... так люблю... Я же твой муж... Разве кто-нибудь будет тебя любить так, как я... Никто... я один знаю... как тебе лучше... – И он уже стаскивал с нее ночную рубашку. Даша не сопротивлялась, потому что ей было всех жалко: его, себя и почему-то Юльку, которая безмятежно спала в своей комнате. И в конце концов, как и утром, она не заметила, как сама начала отвечать на поцелуй мужа, а потом обняла его за шею, и они унеслись в мир чувственных переживаний, которые надолго отбили у Даши охоту кого-нибудь жалеть.

Иван Андреевич Лукьянов, старший преподаватель политехнического колледжа, ехал домой в метро. Конечно же, у него была машина, старенькая белая «девятка», но он не любил на ней ездить. Иван Андреевич вообще не любил рулить. Он любил, чтобы его само несло по жизни. Вот как сейчас, в метро. Он сидел, а оно, метро, его везло. Несмотря на то что у преподавателей колледжей очень маленькая зарплата, Иван Андреевич особой нужды в деньгах не испытывал. Он был хорошим физиком, а потому имел много частных уроков. Мог запросто подготовить в любой вуз, за что прилично платили самой конвертируемой валютой. В отличие от «девятки» работу свою он любил. Любил именно преподавание. От классного руководства или, правильнее сказать, кураторства всегда отказывался. Начальство неохотно, но все же шло ему на уступки, опять же потому, что он был очень хорошим физиком. «Очень хороший физик» изобретал в рамках своего предмета особые таблицы для запоминания, эксклюзивные алгоритмы выведения формул, проводил нестандартные лабораторные работы и читал очень интересные лекции. Иван Андреевич не смог бы работать в школе, где надо вытирать сопливые носы и проверять домашние задания. Он испытывал состояние полета и парения во время собственной лекции. Он не задумывался над тем, слушают ли его учащиеся, и правильно делал. Его всегда слушали. Его «пары» любили. Любили даже практические занятия, потому что у доски вместе с Лукьяновым самый запущенный олигофрен умудрялся решить любую задачу. Иван Андреевич задавал такие умные наводящие вопросы, так тонко подсказывал и направлял, что процесс решения превращался в увлекательную логическую игру, в которой одерживал верх все тот же любой запущенный олигофрен. На преподавание в институт Ивана Андреевича не тянуло, хотя не раз предлагали. Для института надо было бы перестраиваться, чего он не любил, а деньги и в высшей школе платили маленькие.

Жена у Лукьянова была хоть куда. Красивая и видная. Она тоже была из преподавателей. Преподавала английский язык на частных курсах, за что денег ей, с точки зрения Ивана Андре-

евича, платили немереное количество. Элла строго блюла диету, три раза в неделю занималась в спортивном зале очень навороченным фитнесом, а по выходным еще и плавала в бассейне. Благодаря всем вышеперечисленным процедурам она была подтянутой и стройной, гордо держала голову и запросто могла, что называется, «коня на скаку...»

Кроме жены Эллы, Иван Андреевич имел еще двух пацанов, семи и девяти лет, а также вздорного, но все равно любимого короткошерстного кота по имени Михаил.

Элле, конечно, здорово не нравилась Лукьяновская «девятка», которая к тому же слишком часто простаивала. Она записалась на курсы для получения водительских прав, рьяно посещала их и в самом скором времени намеревалась самостоятельно водить машину, чтобы не зависеть от мужа. На новый автомобиль она уже накопила и начала копить на дачу в престижном загородном районе. Таким образом, в жизни Ивана Андреевича было практически все, чего только может пожелать рядовой обыватель (если, конечно, не считать временное отсутствие загородной дачи), но он почему-то не чувствовал себя счастливым. Вот и сейчас он ехал в вагоне метро в самом дурном расположении духа. Он пытался понять, что его не устраивает на данный момент, и не мог найти в собственной жизни ничего такого, из-за чего стоило бы духом падать.

Элла была дома. Как всегда, красиво причесана и покрашена. Друзья Лукьянова не переставали восхищаться тем, что его жена всегда в полной боевой готовности, когда бы они ни задумали завалиться к ним в гости. Сейчас на Элле были надеты серые короткие брючки и свободная футболка в синюю и белую полоску. Никаких домашних тапочек она не признавала, а потому на ногах были надеты домашние туфельки из мягкой бежевой кожи.

Лукьянов с большим неодобрением посмотрел на эти туфельки и удивился сам себе. И чем они ему не угодили? Неужели было бы лучше, если бы Элла ходила по дому в разношенных шлепанцах и смятом запятнанном халате! Гораздо неприятнее туфелек были Эллины губы, жирно намазанные коричневой помадой. Нет, конечно, этот цвет ей шел, но к чему косметика дома?

– Ванечка, ты пришел! – радостно проворковала Элла и поцеловала мужа в щеку. Он торопливым движением стер со щеки след губной помады, сразу прошел в ванную и сунул руки под струю горячей воды. Его почему-то передернуло, когда он смывал с пальцев блестящие коричневые полосы. На щеке тоже остался след. Лукьянов старательно стер его полотенцем, после чего сразу бросил его в корзинку для грязного белья. Кроме полотенца, в ней не было ничего. Элла непостижимым образом успевала все: и в спортзал сходить, и на работу, и уроки у сыновей проверить, и белье простирнуть, и обед приготовить. Надо было бы радоваться такой женской мобильности, а Иван Андреевич почему-то раздражался с каждым днем все сильнее и сильнее. Он посмотрел на свое недовольное лицо в зеркало, и настроение окончательно упало до нуля. Вот сейчас он выйдет из ванной, и Элла подаст ему роскошный ужин. Рядом с его тарелкой будет непременно стоять маленький стаканчик с какими-нибудь цветочками или веточками, перевитыми розовыми или голубыми ленточками. Элла однажды увидела такой элемент сервировки стола в каком-то журнале и взяла его на вооружение. Если бы она только могла предположить, как Лукьянова тошнит от этих ленточек.

Как и ожидал Иван Андреевич, на столе возле его тарелки с удивительно красиво поджаренной золотистой рыбой действительно стоял маленький букетик тоненьких березовых веточек с недавно проклюнувшимися ярко-зелеными листочками. Ленточка на этот раз была под цвет жареной рыбы – золотистая. На полу, прямо под рыбой, сидел кот Михаил и напряженно вглядывался в глаза хозяину с выражением немого вопроса на потешной полосатой мордочке: даст или не даст? Иван Андреевич и дал бы, но знал, что Элла тут же закричит, что котам рыбу нельзя. И с чего она это взяла? Возьми любую детскую книжку – там всегда коты лакомятся свеженькой рыбкой. Впрочем, Михаил и так толстый до неприличия. Пусть попостится... Лукьянов тяжело вздохнул и зачем-то крепко стиснул зубы. Потом все-таки вынужден был открыть

рот, поскольку через стиснутые зубы рыба не пролезала. Кроме того, он намеревался задать жене вопрос, ответ на который давно знал.

– Почему без картошки? – спросил Иван Андреевич, брезгливо отшвыривая вилкой стручки зеленой фасоли и кружевные листья салата.

– Ванечка, я тебе уже сто раз говорила, что мясо и рыбу лучше есть с зеленью. Картошка у меня запланирована на завтра. Будет запеканка. Ты рад? – Элла под села к мужу за стол и заглянула ему в глаза.

– А что-нибудь незапланированное можно будет завтра съесть?

– Вань, ну что ты злишься? – без тени раздражения спросила Элла. – Все же хорошо!

Это особенно рассердило Лукьянова. Еще бы! У него внутри все обливается желчью, а ей хоть бы что! Не женщина, а йог! У нее, видите ли, все хорошо! А у него вот нехорошо! У него все плохо! Отвратительно!

Всего этого Иван Андреевич жене не сказал. Он даже не сказал, что не злится. Он послушно наклонился к тарелке и принялся подгрести обратно к рыбе только что отшвырненную на край тарелки фасоль.

– Вот и хорошо! – обрадовалась Элла. – А к запеканке я завтра сделаю салат из редиса с сельдью! Как ты любишь, хорошо?

Лукьянов кивнул. С сельдью, так с сельдью, один черт. Хотя, могла бы сказать не «из редиса с сельдью», а «из редиски с селедкой» – все было бы приятней. Иван Андреевич замер с куском рыбы, не донесенным до рта. Какой ужас! Он придирается даже к словам Эллы! Вот паразит!

– Кстати, Ванечка, – опять начала жена, – на завтра я договорилась с Галиной Матвеев-ной. Она будет ждать тебя в 19.00.

Лукьянов поднял удивленные глаза на жену, что должно было означать: «С какой еще Галиной Матвеевной?»

– Как это с какой! – мгновенно поняла его Элла. – Со стоматологом, Галиной Матвеев-ной Соломатиной!

– Со стоматологом? – еще больше удивился он.

– Ваня! – Жена смерила его укоризненным взглядом. – Не ты ли на прошлой неделе жаловался, что у тебя болит зуб?

– Так это ж было на прошлой неделе... Он уже и... не болит давно...

– Ты прямо как ребенок, честное слово! Раз звоночек был, значит, надо лечить! В нашем с тобой возрасте новые зубы не вырастают!

Зуб, на который Иван Андреевич жаловался на прошлой неделе, у него иногда побаливал и на этой, но к стоматологу он идти не хотел. Вообще, трудно найти человека, который хотел бы по доброй воле пойти к зубному врачу, но Лукьянову не понравилось еще и то, что жена опять все решила сама, даже не посоветовавшись с ним.

– Какого черта, Элла?! – прогремел Иван Андреевич, отбросив в сторону вилку.

– А что такого? Разве ты не сможешь к ней завтра сходить?

Сама не подозревая, жена бросила мужу спасительный круг, который он тут же подхва-тил:

– Да... Да! Не могу! Я занят, понимаешь, занят! И именно в 19.00! Ты хотя бы удосужи-лась меня спросить!

– Но... Ванечка, я же знаю, что в четверг ты заканчиваешь раньше обыкновенного, а потому вполне можешь успеть к Галине Матвеевне!

– А вот как раз завтра я заканчиваю не раньше обыкновенного, а позже! – зло крикнул он.

– Почему? – Несмотря на его явное раздражение, Элла по-прежнему олицетворяла собой полное спокойствие.

– А потому... потому что... у нас завтра в колледже... родительские собрания! – Лукьянов выкрикнул первое, что пришло на ум.

– Но ты же не...

– Да! Я «не»! – перебил он жену. – Но я обещал, что зайду к родителям всех групп, у которых веду физику! Есть, знаешь ли, о чем поговорить!

– Ну... хорошо... Я порошу перенести твой визит... Когда? – Элла опять вскинула на мужа безмятежные серые глаза. – Какой день тебя устроит?

Лукьянову хотелось крикнуть, что никакой. Ему хотелось послать к чертям собачьим и стоматолога Галину Матвеевну, и жену Эллу, и весь мир, но он ограничился двумя словами:

– Завтра уточню.

После ужина Иван Андреевич уселся у телевизора, угрюмо уставившись на экран и мало понимая, что на нем происходит. Он знал, что жена позволит ему переваривать жареную рыбу с зеленой фасолью не больше часа. Потом она пошлет его в душ, чтобы он, сытый и чистый телом, выполнил пресловутый супружеский долг. Сашка с Сережкой временно гостили у бабушки с дедушкой. Элла считала, что отсутствием детей надо пользоваться с размахом, то есть совокупляться не поздней ночью по-быстрому, а любить друг друга вечером, с чувством, толком, расстановкой и желательно с музыкальным сопровождением и ароматическими свечами. Лукьянов ненавидел ароматические свечи. От их приторного запаха у него всегда болела голова. Любить жену под музыку ему тоже не нравилось. Почему-то казалось, что он должен попадать в такт, а он никогда не попадал.

Ровно через час после того, как Иван Андреевич опустил в кресло перед телевизором, в комнату вошла Элла. Вместо брючек и футболок на ней был надет темно-синий халатик, сшитый в форме японского кимоно. Это был знак. Надо было подниматься и идти в душ. Лукьянов решил сделать вид, что увлечен происходящим на экране, и не реагировать на кимоно. Он взглянул на экран и выяснил, что «увлечен» передачей о лечебной физкультуре для беременных женщин. Мысленно плюнув в сторону предавшего его телевизора, Лукьянов щелкнул кнопкой выключения, бросил пульт в кресло и обреченно поплелся в ванную.

Душ его не взбодрил. Не бодрила и музыка, льющаяся из спальни. Возле дверей Иван Андреевич опять так же тяжело вздохнул, как над жареной рыбой, с силой выдохнул и вошел к жене. Она уже лежала полностью обнаженной на новом ярко-красном белье, которого Лукьянов еще никогда не видел. Вместо того чтобы тут же протянуть руки к Элле, он присел рядом с ней на кончик постели, пощупал руками простыню и зачем-то спросил:

– Шелк?

– Сатин, – ответила жена, – но качественный, тонкий.

– А-а-а... – еще немного потянул время Лукьянов. Потом время все-таки вышло и надо было переходить к эротическим процедурам. Он неохотно перевел взгляд на Эллу. Она, как всегда, была очень красива. Но даже ее сильное, тренированное тело без единого лишнего грамма жира Ивана Андреевича не вдохновило. Прилива желания он не чувствовал. Зато чувствовала Элла. Она привстала с постели и начала стягивать с него махровый халат. После того как его обнажили, скрывать отсутствие желания стало невозможно.

– Ты устал? – сочувственно спросила жена.

Ему оставалось только жалко кивнуть.

– Это ничего, – опять не огорчилась она. – Сейчас у тебя все получится.

И у него действительно получилось. Он дорого дал бы, чтобы не получилось, чтобы Элла поскорее задула свои кошмарные свечи, выключила музыку и позволила ему просто почитать детектив. Но его жена была продвинутой во всем. Она сделала все возможное, чтобы «сильно уставший на работе мужчина» сначала расслабился, а потом распалился до первобытного полужвериного состояния.

Когда удовлетворившая сексуальный голод жена ушла на кухню готовиться к занятиям с какими-то «продвинутыми пользователями» английского, Иван Андреевич тут же потянулся за недочитанным детективом, но читать так и не смог. Он думал о том, что происшедшее между ним и Эллой не имеет никакого отношения к любви. Его жена владела технологией, точно следуя алгоритму которой можно вдохновить любого импотента. То есть он, Лукьянов Иван Андреевич, только что был жестко изнасилован собственной женой. Именно она была ведущей стороной, именно она довлекла и требовала, а он послушно исполнял ее приказания. Она совершенно не стеснялась его. Она хотела получить от мужа как можно больше удовольствия и получила именно то, что запланировала. Лукьянов, конечно, тоже кое-что получил, но радости от этого не испытал. Все было как-то неправильно. Слишком технично. Эмоционально, но бесчувственно.

Да, Элла планировала даже секс. В ее жизни не было ничего случайного и спонтанного. Вроде бы это должно было Лукьянова устраивать. Его жена, как локомотив, тащила на себе их семейную жизнь, а ему оставалось лишь ехать за ней мерно покачивающимся вагончиком. Ему не надо было рулить, что он не любил. Ему нравилось, чтобы его что-нибудь по жизни несло, его и несла Эллина забота. Так в чем же дело? Почему после стольких лет совместной жизни ему вдруг так все опротивело? Элла не изменилась. Она и в юности была такой же волевой, сильной и темпераментной. Она почти не изменилась внешне. Была хорошей женой и матерью. Она была прекрасной любовницей, что только что еще раз доказала минуту назад. Чего же ему не хватает?

Иван Андреевич уставился в потолок, тяжело вздохнул и замер на выдохе. Он вдруг понял: ему не хватало любви. Да... любви... Пожалуй, стоит признаться, что он абсолютно не любит свою замечательную во всех отношениях жену. Не любит... Он пользуется ею... и только... И весь ужас состоит в том, что ничего нельзя изменить. Ничего... Разве он сможет оставить Эллу? Нет... У них же есть Сашка с Сережкой... Да и вообще...

Лукьянов запустил книжкой в шкаф, повернулся на бок и уснул на новом красном белье обнаженным, как измученный любовью юноша в постели не менее юной возлюбленной. Он не услышал, как скрипнула дверь спальни и сквозь нее протиснулась толстая серая тушка Михаила. Кот недовольно потянул носом, втягивая в себя запах затушенных ароматических свечей, несколько раз чихнул и запрыгнул на хозяйскую постель. Белье тоже пахло незнакомо и неприятно. Михаил потоптался на постели, брезгливо подергивая лапами, и улегся поближе к хозяину, чтобы вдыхать знакомый запах его тела.

Занятия в колледже закончились в пять часов вечера. Возвращаться домой было нельзя. Надо было где-то проболтаться как минимум часа три. Лукьянов сказал жене, что родительские собрания начнутся в семь, значит, отправиться домой можно будет не раньше восьми часов. Ну и где же провести эти долгих три часа? Иван Андреевич невольно улыбнулся. Мужики, у которых есть любовницы, не знают, как уложиться в уворованные у жены три часа, а он совершенно не представляет, куда себя деть. Честное слово, лучше было все-таки пойти к стоматологу! По крайней мере, перестал бы наконец ныть зуб! Но тогда получается, что Элла опять права! Ну... права... И что?

Может быть, перекусить в каком-нибудь недорогом ресторанчике? Пожалуй, это дельная мысль! Он сейчас пойдет в ресторан и закажет себе кучу неправильной, нездоровой пищи, например огромный кусок мяса с жареной картошечкой и всякими жгучими и жирными приправами. Да! И еще водочки! Холодненькой, в запотевшем графинчике! Именно в графинчике! Можно спросить и соленья огуричка! Эдакого... пупырчатого... чтобы откусывать с хрустом...

Мясо с картошечкой почему-то не шло. Водка пилась, а мясо никак... Чертова Элла приучила совсем к другой пище. Лукьянов удивлялся, но ему было неприятно, что мясо такое

острое. Оно казалось пережаренным и чересчур жирным. Иван Андреевич решил не отчаиваться и спросил себе отварной рыбы. Рыба тоже не пошла. То ли казалась безвкусной после специй, которыми было обильно сдобрено предыдущее блюдо, то ли он все-таки уже наелся мясом. Десерт Иван Андреевич съел весь и тут же пожалел об этом. Кусок торта с масляным кремом до того неудобно улегся в желудке, что хоть кричи или спрашивай себе «Мезим-форте».

Лукьянов допил водку и наконец почувствовал, что опьянел. А что? Неплохое ощущение. Что-то он давно не напивался... Зря... Похоже, что сейчас и мясо прошло бы... Эх, зря унесли... Черт! Надо было сначала напиться, а потом заказывать еду! Кретин! Кретин и... этот... как его... импотент! Импотент? А может, ударить по девочкам? Может, с ними... того... захочется... Нет... ни с кем не хочется... Импотент... Законченный импотент...

Лукьянов сделал знак официанту и расплатился, подивившись тому, как дорого обошелся ему толком не съеденный ресторанный ужин. Хорошо все-таки, что не спросил себе «Мезим» и... девочек...

На улице так похолодало, что Иван Андреевич несколько протрезвел. Он посмотрел на часы мобильного телефона и здорово огорчился. Он провел в ресторане всего полтора часа. Куда деть оставшиеся полтора? Хотя... хорошо, что они у него есть. Элла сошла бы с ума, если бы увидела его таким пьяным! С другой стороны, интересно посмотреть, как она сходит с ума! Он никогда раньше не видел. Осознав это, Лукьянов даже приостановился. Надо же! А ведь, и в самом деле он никогда не видел свою жену в состоянии душевного раздвоя! В самых критических ситуациях ее не покидало спокойствие и способность соображать. Его жена не женщина! Андроид!

– Ваня? – Лукьянов услышал голос «андроида» и обернулся. Рядом с ним остановилась его собственная «девятка», из открытой дверцы которой выглядывала жена.

– Элла? – удивился Иван Андреевич. – Ты что тут делаешь? Почему ты на машине?

– Потому что я получила права, и сейчас еду расплатиться за новую машину! Завтра пригонят... Хотела тебе сделать сюрприз.

– У тебя получилось... – отозвался он.

– А ты что здесь делаешь? – спросила Элла и посмотрела на часы. – Почти семь... Ты почему не в колледже?

Лукьянов поймал себя на том, что ему хочется заканючить что-нибудь вроде «я больше не буду», как делают дети, пойманные в момент прогула учебного заведения.

– У вас что, отменили собрания? – не унималась Элла.

– Да! – радостно подхватил Иван Андреевич. – У нас отменили собрания!

– Почему?

– Санэпидемстанция запретила, – моментально нашелся он.

– Да?

– Да... Ртуть... понимаешь ли... разлили... по колледжу... Не хочет пацанва родительских собраний... – Лукьянов удивлялся сам себе. Надо же, как складно врет! Не иначе он лучше соображает в состоянии алкогольного опьянения. Пожалуй, стоит это учсть!

– Тогда поехали со мной! – решительно произнесла Элла.

Как и всегда, Лукьянов не смог ей противиться. Стоило ему усестись в машину, как запах водочного перегара заполнил салон «девятки». Он даже сам умудрился это почувствовать.

– Ты что, пил? – спросила Элла, резко обернувшись.

– Ну... так... чуть-чуть... Мы выпили, чтобы, значит, ртуть... нейтрализовать... Она же ядовитая... А потому мы...

– Не ври мне, Лукьянов, – очень серьезно оборвала его Элла. – Зачем ты врешь?

– Я вру? Я не вру. С чего ты взяла, что я вру? Я и не думал врать. Да и зачем мне врать? Да если бы я врал...

– Заткнись.

Иван Андреевич сразу же так и сделал. Он никогда не слышал от Эллы ни одного грубого слова. Она вообще никогда не употребляла ни жаргонных слов – ни сленговых, ни популярных идиоматических выражений. Ее речь была безупречно правильной, поэтому слово «заткнись» в ее устах прозвучало для Лукьянова так, будто жена заковыристо выматерилась.

– На сегодняшний день в вашем колледже не были назначены родительские собрания? – полуутвердительно спросила она.

– Почему это не были? Я же говорю... были, а потом... ртуть... и все такое...

– Ваня, ты шел на свидание с другой? И поэтому выпил? Для храбрости?

Элла спросила это будничным спокойным тоном, и это особенно задело Лукьянова. Почему она считает, что ему для храбрости непременно надо выпить? То есть она держит его за ничтожество, которое само по себе ничего не может... Как же она ошибается! Он все может! То есть вообще все! Все, что угодно!

– Я уже был на свидании с другой! – запальчиво выкрикнул он. – У меня сегодня вообще не было занятий, понятно?! – погнался, выражаясь современным языком, мутную волну он. – И выпил я, если хочешь знать, не «до», а «во время»! Мы с ней вместе пили! Вот так!

На слове «так» Лукьянов чуть не прикусил язык, потому что Элла рванула машину с места. Старенькая «девятка» понеслась по магистралям Питера с такой скоростью, которую только можно было развить. Ивану Андреевичу казалось, что они непременно в кого-нибудь врежутся или вылетят на тротуар на особо лихом повороте. Элла наверняка совсем недавно начала ездить без инструктора, а потому, скорее всего, не справится с управлением. Но Элла справлялась. Она всегда и со всем справлялась, а потому Лукьянов в самом скором времени не только совершенно успокоился, но даже и задремал, благо жена больше не докучала ему вопросами.

Возле дома Элла бесцеремонно растолкала его и потребовала выйти из машины. Иван Андреевич не сразу сообразил, где и с какой стати находится. А когда все вспомнил, у него сразу свело скулы от тоски. Сейчас придется объясняться с женой. На кой черт он соврал ей про любовницу? Он ведь даже не знает, с чем их едят!

В квартире в состоянии полной безнадеги Лукьянов опустился в любимое кресло перед темным экраном телевизора и недвижимо застыл. Если Элла его выгонит, то идти совершенно некуда. Да и не хочется никуда. И ничего не хочется. Он на всю оставшуюся жизнь наелся жирного мяса и напился водки из запотевшего графинчика.

– Ванечка! – Элла бухнулась перед ним на колени, впервые не переодевшись. Прямо так. В стильном костюме цвета, как она утверждала, малиновой пенки. Лукьянов обалдело уставился в глаза жены с размазанной косметикой. Такого беспорядка на ее лице он никогда не видел.

– Ва-а-анечка... – жалобно повторила она и уткнулась лицом с потекшей тушью прямо ему в колени, обтянутые светло-голубыми джинсами. Иван Андреевич как раз успел пожалеть новенькие джинсы, которые теперь непременно придется стирать, когда Элла вдруг заговорила, горячо и надрывно, так, как не говорила с ним никогда: – Я люблю тебя, Ванечка... Очень сильно люблю... Зачем тебе какие-то еще женщины, если есть я? Посмотри же на меня, милый мой...

Он послушно взглянул на сморщенное и покрасневшее, а потому некрасивое лицо жены. Вот, значит, какова она в состоянии душевного раздрая... Да-а-а... раздрай никого не красит, даже Эллу... А с чего бы ей, собственно, так расстраиваться? Что произошло-то? Подумаешь, выпил чуть-чуть... Лукьянов уже забыл, что только что «впарил» жене про любовницу, а она между тем продолжала:

– Ну что тебе в других женщинах? Чего тебе не хватает? Я же для тебя все, что хочешь... Хочешь, не будем покупать новую машину? Ну ее... к черту! Хочешь, поедем куда-нибудь... на

какой-нибудь модный курорт? В круиз? Хочешь? Мои родители, ты же знаешь, охотно возьмут мальчишек к себе... Ванечка, ты только скажи...

Лукьянову ничего не хотелось говорить. Ему не хотелось смотреть в лицо жены. Ему опять хотелось напиться. И не так, как сегодня в ресторане, а до бесчувствия, чтобы рухнуть на пол кулем и забыться. А Элла уже стянула с себя пиджак костюма и бюстгальтер. Перед лицом Ивана Андреевича качнулись маленькие упругие груди Эллы. Вместо того чтобы обрадоваться, он с неприязнью подумал: «Опять...» А она уже расстегивала на нем джинсы. Лукьянов подивился тому, что жена не гонит его в душ... Сейчас она все делала неправильно, вне постоянного сценария, но даже это ничуть не заводило Ивана Андреевича. Ему стало стыдно. Довел выдержанную сильную женщину до истерики и даже не собирается утешить ее здоровым сексом. Черт! Что же сделать? Ну что же сделать, чтобы хоть как-то... Он постарался припомнить самую расхристанную сцену, которую доводилось видеть в порнофильмах, и дело несколько сдвинулось с мертвой точки. Выпроставшись из кресла, он собственноручно раздел жену до конца и проделал все то, что полагается в таких случаях, воображая себя одновременно самым отвязным мачо, суперпорнозвездой и сексуальным маньяком-насилъником. Его, правда, все время отвлекал кот Михаил, который со снисходительным интересом наблюдал за разыгрываемой перед ним сценой, но все же Элла вроде бы осталась довольной.

Майя Орлова не была замужем и к замужеству не стремилась. Ей было вполне комфортно жить так, как жила, и она не собиралась ничего менять. Конечно, при таком положении вещей в старости ей некому будет подать воды, но, может быть, это вовсе и не худший вариант. Некоторые дети не только воды не подадут, а еще и отберут то, что родители имеют. На что они нужны, такие дети? Да и пока их вырастишь – совсем с лица спадешь! А она, Майя, очень даже хороша лицом. И фигурой. А потому мужским вниманием никогда не была обижена. В юности она, как и все прочие девушки, страстно влюблялась в своих поклонников, а потом как-то перестала. Она и сама не заметила, когда это с ней случилось. Майя считала, что переросла любовные страсти, своевременно заменив их удобными кратковременными привязанностями. Она работала в отделе технического контроля на предприятии по изготовлению сталелитейных конструкций. Почти все более-менее достойные мужчины ее отдела, а также смежных с ним побывали у нее в постели. Некоторые там задерживались дольше других, но никого из них Майя не хотела бы оставить у себя навсегда.

Каждый новый роман она всегда начинала с большим подъемом. Начало романа всегда было праздником. Майя затаривалась провизией сразу на месяц, поскольку на более длительные отношения не настраивалась. В конце концов, в магазин всегда можно сбежать, если объект будет заслуживать хорошей кормежки более продолжительный срок. Еще она обязательно покупала себе новое белье, как можно красивее и дороже предыдущих образцов. И новенький пеньюарчик, полупрозрачный и в кружевах. В первый же вечер она облачалась в свежкупленное белье и пикантный пеньюар, чтобы претендент на ее внимание сразу понимал, что конфетно-букетным периодом можно пренебречь. В конце концов, они взрослые люди и незачем обманывать друг друга. Все знают, зачем мужчина с женщиной встречаются на квартире последней, а потому честнее сразу дать человеку понять, чего она от него хочет.

Некоторые понимали неправильно и даже собирались развестись ради Майи с женами, если таковые имелись в наличии. Майя всегда наставляла их на путь истинный. «Жена – это святое, а телу иногда можно устраивать небольшие праздники плоти», – учила она тех, кто еще не дошел до этой простой истины своим умом. Надо сказать, что большая часть мужчин в этом и не сомневалась. Небольшая часть сомневающихся как-то быстро сомневаться переставала, а потому жизнь Майи катилась себе и катилась по годами наезженной колее.

Расставание с надоевшим мужчиной она воспринимала в качестве еще более крупного праздника, нежели первую встречу с ним. Майя с большим удовольствием убирала квартиру,

вымывая и вычищая из нее все следы пребывания в ней мужской особи. Потом ложилась на диван и предавалась неге перед телевизором. Когда ей снова делалось неуютно и одиноко, она выбирала себе другой мужской объект и принималась эффектно подрагивать перед ним длинными, хорошо покрашенными ресницами. Обычно хватало трех дней, чтобы мужчина догадался, что означают сии ресницедвижения, и распахивал для Майи свои сильные объятия. Осечек не было никогда. То есть ей ни разу не встретился ни один мужчина, который отказался бы от встречи с ней, даже в том случае, если никогда ранее этого и не планировал.

В описываемое время любовником Майи Орловой являлся Григорий Осипчук, с которым она познакомилась в один из обеденных перерывов. Вообще-то, сотрудники Майи перекусывали на рабочих местах, принося еду из дома и разогревая ее в микроволновке. В тот день нескладный Петя Иванчук спалил эту чудо-печку. Пете всыпали по первое число и обязали отремонтировать микроволновку самостоятельно или немедленно же сдать в ремонт. Голодный и злой Петя, потерявший в ненасытной утробе печи свой обед, с самым мрачным видом собирался нести ее в ремонт. Некоторые сотрудники, чертыхаясь и зло поглядывая на Иванчука, остались в отделе жевать холодные бутерброды, другие, не желая нюхать гарь, которая заполнила все помещение и даже чувствительно щипала ноздри, отправились на промысел за ворота предприятия. Майя, которой было очень жаль недотепу Петра, помогла ему поймать такси и отправилась перекусить в маленькую кафешку с детским названием «Ладушки». Там она и познакомилась с Григорием.

Майя взяла себе салат из свежей капусты, оладьи с медом и застыла со своим подносом посередине маленького помещения. Все столики, как на грех, были заняты.

– Девушка, идите сюда, – услышала она приятный мужской голос, доносящийся из самого дальнего угла кафе. Майя, вытянув шею, повернулась на голос и встретила глазами с очень приятным молодым брюнетом с усами и маленькой бородкой, соединяющимися друг с другом необыкновенно стильно выстриженными переходами. Возле «усов с бородкой» действительно пустовал пластиковый темно-синий стул, к которому Майя незамедлительно и отправилась.

Она видела, что интересный брюнет пригласил ее к себе не только из тех соображений, что рядом находился пустующий стул, а еще и потому, что она ему понравилась. Уж Майя-то умела отличать заинтересованные мужские взгляды от обыкновенных, обывательских. Перед усато-бородатым стояла совершенно пустая тарелка с небрежно брошенной в нее смятой бумажной салфеткой, но он продолжал тянуть из стаканчика остатки кофе, с улыбкой разглядывая Майю, которая уже призывно трепетала ресницами. Молодой мужчина ей тоже нравился: и его усы с бородой, и темно-серые глубокие глаза.

– Вы здесь часто бываете? – не выдержал мужчина, когда его кофе все-таки закончился.

– Нет, – покачала головой Майя. – Я здесь случайно.

– Я тоже, – улыбнулся он, как показалось ей, очень красиво. Она в ответ одарила его не менее обворожительной улыбкой.

– Тогда, может быть, я могу вас проводить до... – Он пытливо посмотрел ей в глаза, не закончив своего вопроса.

– Ну... разве что... до соседнего здания, – рассмеялась Майя. – Я работаю рядом.

– То есть у вас обеденный перерыв?

– Он самый.

– А завтра вы тоже будете здесь обедать?

– Вряд ли. Скорее всего, нам починят микроволновку и...

– Зачем же ориентироваться на микроволновку, когда всегда можно зайти в это кафе! – перебил ее он.

– Честно говоря, я не любительница стоять в очереди и мыкаться по заведению общепита с подносом в руках. Мне просто повезло, что рядом с вами оказалось свободное место.

– А уж как мне-то повезло! – многозначительно сказал мужчина и представился. – Я – Григорий. А вас как зовут?

– Майя, – с удовольствием назвалась она.

– У вас чудесное весеннее имя!

– Да, мне тоже нравится, потому что довольно редко встречается.

– Да... пожалуй... редко встречается... что, возможно, совсем не помешает нам с вами встретиться еще раз. И вовсе не обязательно в этом кафе. Как вам мое предложение?

– Ну-у-у... пожалуй... оно мне нравится, – ответила Майя и смело посмотрела в его серые глаза.

– И куда бы вы хотели пойти? – спросил сероглазый Григорий.

– Я полагаюсь на ваш выбор.

– Отлично. Тогда осталось определиться со временем.

И они определились со временем и стали встречаться. Если бы мужчина был с родного предприятия, где все знают друг друга как облупленных, самым же первым местом встречи оказалась бы Майина квартира. К незнакомому человеку надо было все-таки присмотреться. Мало ли что.

Присматривалась Майя недолго. Григорий нравился ей по всем статьям. Ей не терпелось прижаться губами к его губам, глубоко запрятанным в усах и бороде. У нее никогда еще не было усо-бородатых мужчин, а потому хотелось поскорей почувствовать щеками колкость или мягкость растительности на лице нового знакомого.

Григорий Осипчук, инженер-электронщик и программист, попал в постель Майи Орловой вечером четвертой встречи. Его усы с бородой оказались мягкими и слегка пружинили, губы – горячими и жадными, тело – сильным и гибким. Майя провела с ним упоительный вечер и очень рассчитывала на такую же страстную ночь, но часов в одиннадцать вечера Григорий вдруг засобиравшись домой.

– Не означают ли данные судорожные сборы того, что ты женат? – совершенно спокойно спросила его Майя.

Григорий криво усмехнулся и не смог ее обмануть.

– Да, я женат, – ответил он, стараясь на нее не глядеть, что заставило женщину понимающе улыбнуться. – Это что-то меняет?

– Для меня – ничего, – ответила она.

– То есть? – не понял Осипчук.

– Ну... это же не мне, а тебе придется изворачиваться и врать.

– А тебе, значит, все равно.

– Все равно, – подтвердила она.

– Но так же не может быть!

– Почему?

– Все женщины хотят получить мужчину в собственное единоличное владение.

– А мужчины женщину?

– А мы... мы более терпимы, пока это не переходит разумных границ.

– То есть ты проявишь терпимость, если твоя жена будет принимать любовника, пока ты нежишься в моей постели?

– Я обязательно проявил бы, если бы она случайно поддалась страсти. С каждым человеком может такое случиться. Главное, чтобы не начала прыгать из постели в постель...

– А твоя уже поддавалась страсти? – с усмешкой спросила Майя.

– Я не хочу об этом разговаривать, – угрюмо отозвался Григорий.

– Хорошо, не будем, – согласилась она. – Ты только ответь: ты свою жену любишь?

Григорий тяжело опустился на постель с натянутым на одну руку рукавом рубашки и задумался.

– Так что же? Любишь жену? – подстегнула его Майя.
– Н-не знаю... – еще немного помолчав, ответил он. – Она мать моих детей.
– И сколько же их у тебя?
– Двое. Две девочки.
– А скажи, пожалуйста, Григорий, мужчины в принципе не в состоянии любить матерей своих детей? Вы все их просто терпите? Именно в качестве матерей?
– Нет же! Все не так! – сморщился он. – Все гораздо сложнее!
– Брось, Гриша! На самом деле все просто! Вы, мужчины, не в состоянии любить одну женщину. Вам непременно нужен гарем.
– Нет... то есть... не знаю... В общем... – Он усмехнулся: – Я, пожалуй, не смог бы обслуживать гарем.
– Ну а трех женщин, к примеру, потянул бы?
– И трех нет.
– А две, значит, в самый раз?
– Майя! Ты-то чего хочешь? Только что ведь сказала, что тебе все равно, есть у меня жена или нет...
– Мне действительно все равно. Я не собираюсь разрушать твою семью и канючить, чтобы ты взял меня замуж, но хочу определенности.
– Какой?
– Ну... я уже получила ответ на важный для меня вопрос. Трех женщин ты не потянешь, значит, меня все устраивает в наших отношениях.
– Хочешь сказать, что тебе не нужна любовь?
– Ты сам-то в нее веришь?
Григорий протянул к ней руку, провел пальцами по Майиной щеке и ответил:
– Иногда кажется, что... верю...
– Брось! – Майя отстранилась от его руки. – Разве можно называть любовью то, что быстро проходит? Если уж я люблю своих родителей, то это навсегда. Никогда не пройдет любовь твоей жены к детям. Допускаю существование любви, например, к родине. Еще к водке, наркотикам, пирожным... То, что происходит между мужчиной и женщиной, не стоит именовать любовью.
– А как же стоит?
– Сам знаешь, – резко ответила Майя, поднялась с постели и набросила на обнаженное тело свой изысканный пеньюар.
– Мы еще встретимся? – спросил Григорий.
– Почему бы нет?
Он обнял ее за плечи, притянул к себе и шепнул в ухо:
– Ты, конечно, решишь, что все мы, мужчины, так говорим... но я все равно скажу: мне было очень хорошо с тобой... очень... как... словом, как давно уже не было с женой...
– Знаешь, Гриша, – ответила она, отстранившись и глядя ему в глаза, – давай договоримся, что ты больше никогда при мне не упомянешь ни свою жену, ни детей! Согласен?
– Согласен, – отозвался он, и они поцеловались. Целовались долго. Руки Григория опять забрались Майе под халат. Она не сопротивлялась. Ей было интересно, насколько способен задержаться в ее объятиях чужой муж. Не падет ли он опять в ее жаркую постель? Осипчук не пал. Он еще раз огладил руками ее тело, будто запоминая все его соблазнительные выпуклости и вогнутости, тяжело вздохнул и принялся одеваться дальше.
С тех пор они встречались два-три раза в неделю, и каждый раз в одиннадцать вечера Григорий ускользал. Несмотря на то что Майя хорохорилась перед ним, ей не нравилось, что он уходил. Часто мужчины, страстно влюбившись в нее, бросали своих жен, если они у них были, хотя бы временно. Этот бросать не собирался. Лежа в пустой постели, Майя размышляла

о том, чего она хочет от Григория. Неужели, чтобы развелся? Разве она хочет замуж? Нет! К замужеству она по-прежнему не тяготеет. Ей совершенно не хочется стирать Гришины носки, трусы и рубашки, у которых поразительно быстро пачкаются воротнички. Она не хочет находиться в постоянной задумчивости на предмет того, что купить на обед и ужин и как бы успеть все это сварить, если еще хочется и телевизор посмотреть, и книгу почитать, и с подругами пообщаться. Нет, замужество по-прежнему не для нее. Что касается пресловутой любви, то... Разве она любит Гришу? Она любит его тело, его руки, губы и красивые глаза. Разве ей интересно, что у него на душе? Или что он делает на службе? Разве ей интересны его друзья или, к примеру, здоровье? Нет, нет и еще раз нет! Так чего же ей еще надо? Как говорится, какого рожна? Ответов на свои вопросы Майя не находила.

Даша медленно брела по улице, несмотря на тяжесть пакетов с продуктами, которые здорово оттягивали ей плечи. Ей очень не хотелось идти домой. Она устала притворяться. С того памятного воскресенья, которое они всей семьей провели в зоопарке, Даша постоянно контролировала себя. Митя больше не должен заметить ни ее подозрительной задумчивости, ни тоски, ни излишней истеричной веселости. Она должна выглядеть спокойной, уравновешенной и улыбчивой. Она должна стать образцовой женой, потому что уходить от Мити не собирается. Да и куда уходить? Можно подумать, что у нее есть какое-нибудь убежище... К тому же Юлька... У них с Митей дочь, а потому она, Даша, обязана ее растить в полноценной семье, где есть и мать, и отец. Она не враг собственному ребенку. А себя вполне можно принести в жертву. Кому она нужна? Кому интересна ее никчемная жизнь?

– Да вы что? Куда? – Даша услышала громкий возглас. Она не успела еще ничего толком понять, как кто-то сильным движением втащил ее на тротуар с проезжей части улицы. Мимо нее плотным потоком понеслись машины. Дашины волосы отбросил от лица тугой и душный поток перегретого автомобилями воздуха. Хозяин громкого голоса уже гораздо тише спросил:

– Разве вы не видите, что загорелся красный свет?

– Что вы сказали? – спросила Даша, подняв на мужчину бессмысленный взгляд.

– Я говорю... внимательней надо быть... – Мужчина замолчал, а потом выдохнул сразу просевшим голосом: – Даша? Не может быть... Да-а-ашка...

Даша взглядела в говорящего. Чего ему от нее надо? Как он смеет называть ее Дашкой?

– Даш! Да ты что! Не узнаешь? Неужели я так сильно изменился? – продолжал он, и Даша вдруг узнала голос. Она взглядела в мужчину пристальней, и у нее, так же, как и у него, перехватило дыхание. Она выронила из враз обессилевшей руки пакет, схватилась ею за горло, будто этим вечным жестом можно было поправить положение, и прошептала:

– Ваня... ты?

Иван Андреевич поднял ее пакет, который от тяжести наполнявших его продуктов смешно осел на тротуар, будто собираясь отдохнуть, и сказал:

– Конечно же, я...

Их начали толкать сосредоточенные на передвижении горожане. На светофоре зажегся зеленый свет, и Даша с Иваном Андреевичем мешали их переходу через улицу. Лукьянов схватил Дашу за руку и оттащил от проезжей части к витрине огромного универсального магазина.

– Надо же... Столько лет не встречались и вдруг... – проговорил он и улыбнулся такой знакомой Даше улыбкой, что у нее к глазам подступили слезы. – Что ты? Как ты? Какая-то ты невеселая... У тебя неприятности? Может быть, я смогу помочь?

Даша молчала, потрясенно разглядывая Ивана. Как вовремя ей его послала судьба! Вот, в чем все дело... Ваня... Ванечка... Как же она могла расстаться с ним? Как же она наказана за это...

...До Мити Даша была влюблена в собственного одноклассника Ванечку Лукьянова. Он был ответно влюблен в нее со всем пылом юности. Даша с Ваней ходили по улице за ручку и целовались в подъездах и других местах, скрытых от посторонних глаз. Ничего более серьезного, нежели поцелуи, между ними так и не случилось. Во-первых, по причине отсутствия подходящего места. Они оба так нежно и трепетно относились друг к другу, что о банальном совокуплении, к примеру, на заплыванной и вонючей лестнице подъезда не могло быть и речи. Дома у Даши безотлучно находилась бабушка, которая по причине больных ног на улицу никогда не выходила, если не считать кратковременных посиделок на балконе. В Ваниной квартире безостановочно бдела его собственная мамаша, домохозяйка и по совместительству необыкновенно тираническая женщина. По причине врожденной брезгливости Даша с Ваней так и не смогли отдаться друг другу ни на несвежем белье студенческих общежитий, ни на свежем, но чужом – в квартирах друзей и подруг, которые, бывало, услужливо предлагали ключи. Кроме того, и Даша, и Ваня были уверены, что непременно поженятся, как только окончат институты, а потому совершенно незачем форсировать те события, которые и так непременно случатся в очень скором времени. Пусть те, кому неймется, обжимаются по углам в антисанитарных условиях, а у них все будет чисто и законно, а потому как-то по-особенному прекрасно и изысканно.

После окончания института Даша распределилась в проектный отдел одного из научно-исследовательских институтов, где и встретила Митю. На фоне яркоглазого брюнета Дмитрия Архипова, остряка и голкипера институтской футбольной команды, который к тому же был старше Даши на пять лет, невыразительный шатен Ванечка Лукьянов, изученный вдоль и поперек ровесник и маменькин сынок, моментально поблек, съезжился, скукожился и потерял всяческую привлекательность. Вместо того чтобы нести с Лукьяновым заявление в ЗАГС, Даша сказала ему очень твердое «нет!». Какое-то время Ванечка попытался побороться за Дашино расположение, но Митя Архипов очень быстро и доходчиво объяснил ему, где чье место. Лукьянов из Дашиной жизни исчез как-то чересчур поспешно, и она решила, что все сделано правильно. Митя – ее судьба, а Ванечка – смешная детская первая любовь...

Теперь Даша смотрела на свою первую любовь и удивлялась тому, что натворила с собственной жизнью. Разве можно было менять Ванечку на Митю? Они с Лукьяновым совпадали друг с другом до мелочей. Им нравились одни и те же книги, они любили одинаковую музыку, они всегда понимали друг друга с полуслова. С Митей Даше очень скоро, как только прошел первый сумасшедший угар, стало трудно. Архипов был чистым холериком, очень активным, бескомпромиссным и прямолинейным. Он любил спорт, машины, жесткую музыку с низкими басами и соло ударных инструментов. Митя принялся таскать Дашу на футбольные и хоккейные матчи, в конные и лыжные походы, а также сплавлять на байдарках по рекам Карельского перешейка. Нежная городская девочка ненавидела рюкзаки, натирающие плечи, вонючие палатки, штормовки и спальники, а также конский пот, многоэтажную матерщину футбольных болельщиков и речные перекаты, но героически терпела все это ради любви к Мите. Даше повезло, что она в скором времени после свадьбы забеременела. Муж, узнав об этом, сразу не только запретил ей участие в любимых экстремальных развлечениях, но и сам почти отказался от них, то есть тоже принес себя в жертву. Он Дашу любил. Полюбил и родившуюся дочку.

Но и отказавшись от многих любимых мужских развлечений, Митя Архипов остался самим собой. Он до седьмого пота занимался на лоджии силовой гимнастикой, смотрел соревнования по командным видам спорта по телевизору и без конца ссорился с соседями, поскольку очень громко хлопал входными дверями в квартиру и подъезд. Митя очень редко отдыхал и почти не мог находиться в состоянии покоя. Даже смотря футбол по телевизору, он без конца вскакивал, бегал на кухню то за минералкой, то за бутербродом и оглашал квартиру диким ором в случае гола или победы любимой команды. Архипов редко что-нибудь читал, потому что этого нельзя было делать на бегу. Даша очень скоро поняла, что ее муж, несмотря

на высшее образование, мало образован и не эрудирован. В любимые Дашей театры они тоже перестали ходить, потому что для Мити было сущей мукой – сидеть в кресле битый час, который как минимум длится действие. В театре нельзя было вскакивать и орать, как на футболе, чтобы выплеснуть накопившуюся в бездействии энергию.

А еще Даша поняла, что и секс с Митей несколько жестковат. Она не знала другого, а потому поначалу ее все устраивало. Она любила своего мужа и готова была на все, лишь бы ему было с ней хорошо. С течением времени Даша стала замечать, что всеми правдами и неправдами пытается улизнуть от исполнения супружеского долга. Она с пристрастием поразмыслила над этой проблемой и поняла, что пытается таким образом защититься от Митино го напора. Ей хотелось бы, чтобы он был мягче и ласковей, чтобы прелюдия длилась дольше, чтобы муж не так мгновенно засыпал «после того как». Надо отдать должное Даше, потому что она не пустила это дело на самотек. Набравшись мужества, она поговорила обо всем с Митей. Он стал стараться доставить и ей удовольствие и даже несколько в этом преуспел, но перепрыгнуть через себя не мог. Архипов был холериком и в постели. Они не совпадали с Дашей темпераментами. Собственно говоря, они вообще мало в чем совпадали, разве что – в сумасшедшей и безоглядной любви к дочке Юльке.

Иван Андреевич видел, что Даша впала в состояние полного ступора, а потому решил действовать сам. Он потащил ее к столикам уличного кафе.

– Куда ты меня ведешь, Ваня? – очнулась Даша и остановилась.

– Всего лишь в кафе. – Он опять улыбнулся знакомой улыбкой, от которой сжалось ее сердце, и добавил: – Поговорим. Давно ведь не виделись.

– Ну... Как живешь, Дашенька? – спросил он, когда они уже сидели в плетеных креслах и ждали заказ.

– Живу себе... как все... – ответила она и почему-то вжала голову в плечи, будто прячась от внимательного взгляда Лукьянова. Разве она может ему сказать, что задыхается в своем замужестве, как в тесном подполе? Разве кто-нибудь в состоянии ее понять? Митя – хороший человек, заботливый муж, отличный отец, а она, Даша, бесится с жиру. Разве можно сказать Ване, что именно сейчас, так неожиданно встретившись с ним, она вдруг поняла, что собственными руками сломала себе жизнь? Ей надо было остаться с ним, с Ванечкой... Даша подавила в себе рождающийся стон и спросила:

– А ты как живешь, Ваня?

– Да тоже... так как-то... как все...

– У тебя есть дети? – спросила Даша, чтобы не спрашивать о жене, о наличии которой недвусмысленно говорило обручальное кольцо, золотящееся на пальце Лукьянова.

– Да. Сашка и Сережка.

– Близнецы?

– Нет, между ними три года разницы. Старшему – девять.

Даша тут же сообразила, что Лукьянов женился примерно через год после ее свадьбы с Митей. Быстро же он ее забыл. И жену наверное обожает... Кольцо так и горит. Митя снял свое кольцо через неделю после бракосочетания и никогда больше не надевал. Он давно перевелся из НИИ на производство, где можно было больше заработать, и утверждал, что золото там можно здорово попортить. Даше всегда хотелось, чтобы муж носил кольцо, но она никогда не настаивала на этом.

– А у тебя кто? – услышала она голос Лукьянова и ответила:

– Дочка. Юлька. Ей десять.

– Такая же красавица, как ты?

Даша подняла испуганные глаза на Ивана. Зачем он так ей говорит? Разве его жена не красавица? Она должна быть непременно хороша собой, потому что Ваня... в общем, года

пошли ему на пользу. В юности он был смазливый мальчиком в есенинском стиле. Сейчас черты его лица несколько затвердели, плечи развернулись, но... взгляд остался таким же мягким... и голос... Какой же у него бархатный голос. У Мити резкий, металлический... режущий... Ванин – ласкающий, убаюкивающий...

– Юлька похожа на отца, – сказала Даша и отвела взгляд.

Потом они пили кофе с пирожными, которые заказал Ваня, и перебрасывались мало значащими фразами о погоде, рано наступившем лете, потом принялись рассказывать о детях. Даша слушала Лукьянова, говорила и говорила сама, мало понимая то, что говорит, и почти не вслушиваясь в Ванины рассказы о Сашке с Сережкой. Ясно, что они оба любят своих детей, но вовсе не это было сейчас главным. Главной была их встреча. Провидение свело их именно в тот момент, когда Даше казалось, что ее жизнь кончена. Это не могло быть случайностью, и она мучительно размышляла о том, что же с ней станет, когда надо будет уходить из кафе и расставаться. Можно ли опять взять и расстаться? А почему нельзя? Это у нее, Даши, проблемы, а у Вани их, скорее всего, нет. Он заплатит за кофе с пирожными, посадит ее на троллейбус или метро и отправится к своим Сашке с Сережкой... не говоря уже о жене...

Когда они все-таки вынуждены были подняться из-за столика, Даше хотелось кричать. Сейчас Лукьянов уйдет, а для нее настанут совершенно черные дни и... адовы ночи. Лучше бы они не встречались, потому что Даша уже почти уговорила себя на жертвенность ради Юльки. А как жить теперь, зная, что в этом же самом городе ходит по улицам человек, который один только и должен был стать ее мужем. Он должен был целовать и обнимать ее, а не другую женщину. Это он, Ванечка, должен был стать отцом ее ребенка...

Выйдя из кафе, они, не сговариваясь, свернули на какую-то улицу, потом в переулок, потом оказались в дворике, заросшем кустами акаций. Иван вдруг резко остановился и повернулся к Даше. Его лицо уже не было мягким и излучающим тепло. Оно напряглось и перекосилось.

– Что, Ванечка? – спросила она и протянула руку к его лицу, чтобы убрать эту косую нехорошую полуулыбку. – Что-о-о...

Он схватил Дашу за эту руку и притянул к себе. Только это и было ей сейчас нужно. Как хорошо, что он это понял. Даша обхватила его за шею, и они начали целоваться, страстно, сильно, чуть не клацая друг о друга зубами и ломая в объятиях.

– Гляди, совсем охренели, старперы! – Даша услышала лающий подростковый смех и, вырвавшись из лукьяновских объятий, обернулась. Широко расставив ноги в огромных кроссовках, на спинке соседней скамейки сидели и с большим интересом смотрели на них два парня лет по шестнадцати с банками пива в руках и в наушниках, сдвинутых на затылки. Машинально поправив растрепавшиеся волосы, Даша бросилась прочь из дворика с акациями. Она отдышалась лишь оказавшись на оживленной улице, где уже никому не было дела до них с Ваней. В полном изнеможении Даша прислонилась к прозрачной пластиковой стенке автобусной остановки. Перед ней стоял Лукьянов и внимательно смотрел в глаза.

– И что теперь? – спросил он.

Она лишь безвольно покачала головой. Что она ему может сказать? Ничего! Что они могут с ним сделать? Ничего! У Даши – Митя и Юлька, у Вани – сыновья и жена. Судя по всему, у Лукьянова тоже не все в порядке с личной жизнью, но ни он, ни Даша уже не в силах что-либо изменить. Они оба в плену обстоятельств. И только Даша во всем виновата. Одна.

– Мы должны встретиться еще раз, – сказал он.

– Зачем? – спросила она.

– Ты знаешь, зачем.

– Нет.

– Да!

Ваня подошел к ней ближе и очень тихо произнес:

– Я не преставал любить тебя, Даша...

– Нет!! – выкрикнула она так громко, что к ним повернули головы сразу все, кто стоял на остановке.

Лукьянов взял ее под руку и повел прочь от любопытных глаз. На людной питерской улице скрыться было абсолютно некуда, но Даша уже и не хотела скрываться. Она уже желала только одного: чтобы он поскорее ушел, потому что если он будет находиться рядом дольше, то она потом вынуждена будет броситься под автобус или вниз головой под электричку метрополитена. Непонятно каким образом, но они и оказались в метро. Конечно же, Лукьянов не дал Даше сигануть под поезд, да она и не пыталась. Не делать же это у него на глазах!

Они ехали в вагоне, прижатые толпой к стеклянным дверям. Ваня дышал ей в ухо, потом поцеловал в висок, и Даша опять не выдержала. Она положила голову ему на грудь, вдыхая такой знакомый и одновременно новый его запах. Пусть хоть миг – да будет Дашин!

Возле подъезда дома, где проживало семейство Архиповых, они остановились.

– Я пойду, – сказала она, не глядя на Ивана.

Он все же зашел за ней в подъезд, и они опять принялись целоваться на черной грязной лестнице, которой жильцы пользовались только в том случае, если не работал лифт.

– Все, все, Ваня... – отстранилась от него она. – Нельзя так... нельзя... это неправильно...

Лукьянов порылся в кармане легкой летней куртки, вытащил оттуда свою визитку и подал Даше.

– Тут номер моего мобильного. Позвони... Я буду ждать... – Больше не сказав ни слова, он сбежал вниз с площадки черной лестницы и скрылся за дверью.

Даша опустила на грязную ступеньку. Ее не держали ноги. Что она наделала? Зачем позволила себя целовать? Она преступница! Митя ей верит, а она... А она сейчас возьмет и порвет эту визитку на мелкие клочки! Она – замужняя женщина и не станет перезваниваться с посторонними мужчинами! Она больше не позволит себя целовать никому, кроме Мити... А о Лукьянове забудет! Она же почти не вспоминала о Ване все эти годы! И чего вдруг накатило? Ах да... Это ведь только из-за того, что она разлюбила Митю. Так она могла бы и Лукьянова разлюбить, если бы они с ним поженились. Может быть, Ваня пьет чай еще противнее, чем Митя... Нет... Он же пил при ней кофе в кафе. Но она не смотрела, как он его пьет. Ей было все равно. Ей было важно только одно: что он рядом.

Даша охнула и вскочила со ступеньки. Она же забыла свой пакет с продуктами в том кафе! Какой ужас! Митя сейчас придет с работы, а у нее ничего нет! Как сказать ему, куда делся пакет? Если промолчать про пакет, то как объяснить отсутствие продуктов? Вот оно! Начинается! Стоит только начать изворачиваться, как вранье окутывает липким коконом, из которого не выбраться. Пожалуй, чтобы не изворачиваться, лучше сбежать в соседний универсам «24 часа». Да! Она именно так и сделает!

Ивану Андреевичу не спалось. Он осторожно вытащил свою руку из-под плеч мирно спящей жены. Все время после размолвки, если, конечно, можно так назвать то, что случилось между ними, Элла усиленно делала вид, что ничего не произошло. Поскольку Лукьянов наотрез отказался ехать на курорт или в круиз, она все-таки купила серебристый «Ниссан». Но новая машина мало занимала ее. Иван Андреевич чувствовал, что все мысли жены поглощены им одним. Он даже не догадывался, что Элла так сильно любит его. Каждую ночь она изо всех сил пыталась доказать ему это. Он не мог оттолкнуть Эллу, но думал об одной только Даше. Он действительно продолжал любить ее. Он и на Элле женился Даше в отместку. Она вышла замуж за своего спортсмена Архипова, а он в ответ очень скоро женился на ослепительно красивой женщине. Его познакомила с ней собственная мать. Иван не мог понять, почему вдруг понравился такой красавице. Элла со своей выигрышной внешностью запросто могла бы заполучить

себе в мужа какого-нибудь киноартиста или олигарха, а не жалкого преподавателя колледжа, которым он тогда только что оформился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.